Научная статья
УДК 316.472
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-4-106-119

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Виктория Юрьевна Леденева

Институт демографических исследований — обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), Москва, Россия
vy.ledeneva@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9478-2917, AuthorID Scopus: 57208709009, WoS Research ID: AAU-6083-2021, SPIN-код: 3331-0909

Аннотация. ***Цель исследования*** *— выявить степень адаптированности мигрантов и оценить эффективность проводимых органами власти адаптационных мероприятий в субъектах Дальнего Востока (на примере Республики Саха (Якутия)).*

Методология исследования *основана на данных статистики ГУВМ МВД и Росстата, информационно-аналитических материалах федеральных и региональных органов власти и эмпирических данных экспертного опроса, проведенного в Республике Саха (Якутия) в феврале 2021 г. Всего опрошено 53 эксперта.*

Результаты исследования *выявили прямую зависимость ограниченности этносоциальных и культурных установок трудовых мигрантов на адаптацию от проводимой в регионе миграционной политики. Выбор региона не случаен. После событий марта 2019 г. и антимиграционных митингов в г. Якутске региональные власти кардинально сменили вектор в управлении внешней миграцией, определив приоритетные направления. С одной стороны, был ужесточен контроль за прибывающими в регион мигрантами, с другой — разработаны новые программы по адаптации и интеграции мигрантов. Теоретический обзор научных исследований показан с точки зрения генезиса основных дефиниций. В настоящее время вокруг смыслового содержания понятий «адаптация» и «интеграция» сложились крайне противоречивые научные представления. Многозначность и неопределенность понимания данных понятий приводит к многообразию исследовательских позиций. Выявлены основные ресурсы, содействующие успешной адаптации трудовых мигрантов. Результат исследования заключается в предложенной автором типовой модели многоуровневого регулирования адаптации и интеграции мигрантов, включающей систему критериев и показателей оценки эффективности данного процесса.*

Перспективы дальнейшего исследования*. Предложенные автором подходы и приемы разработки многоуровневой модели адаптации мигрантов могут применяться в качестве методологической основы для проведения региональных исследований.*

Ключевые слова*: адаптация мигрантов, Якутия, Дальний Восток, критерии и показатели, типовая модель*

Для цитирования: *Леденева В. Ю. Социологическое измерение социальной адаптации трудовых мигрантов: региональный аспект // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 4. С. 106–119. http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-4-106-119.*

© Леденева В. Ю., 2022

Благодарности: статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (поручение Президента Российской Федерации №ПР-71 от 16.01.2020 г.) по проекту «Влияние иммиграции на этнодемографические процессы в Российской Федерации и подходы к совершенствованию миграционной политики в части стимулирования интеграции иммигрантов в российское общество».

Автор выражает благодарность Министерству по внешним связям и делам народов Республики Саха (Якутия) в поддержке при проведении исследования.

Original article

SOCIOLOGICAL DIMENSION OF SOCIAL ADAPTATION OF LABOR MIGRANTS: REGIONAL ASPECT

Victoria Yu. Ledeneva

Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS), Moscow, Russia vy.ledeneva@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9478-2917, AuthorID Scopus: 57208709009, WoS Research ID: AAU-6083-2021, SPIN: 3331-0909

Abstract. ***The purpose of the study*** *is to identify the degree of adaptability of migrants and evaluate the effectiveness of adaptation measures carried out by the authorities in the subjects of the Far East (on the example of the Republic of Sakha (Yakutia)).*

The research methodology *is based on statistics from the Main Department of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs and Rosstat, information and analytical materials from federal and regional authorities, and empirical data from an expert survey conducted in the Republic of Sakha (Yakutia) in February 2021. A total of 53 experts were interviewed.*

The results of the study *revealed a direct dependence of the limited ethno-social and cultural attitudes of labor migrants towards adaptation on the migration policy pursued in the region. The choice of region is not accidental. After the events of March 2019 and anti-migration rallies in Yakutsk, the regional authorities radically changed the vector in the management of external migration, identifying priority areas. On the one hand, control over migrants arriving in the region was tightened, on the other hand, new programs for the adaptation and integration of migrants were developed. A theoretical review of scientific research is shown from the point of view of the genesis of the main definitions. Currently, extremely contradictory scientific ideas have developed around the semantic content of the concepts of «adaptation» and «integration». The ambiguity and uncertainty of understanding these concepts leads to a variety of research positions. The main resources that contribute to the successful adaptation of labor migrants have been identified. The result of the study is the typical model of multilevel regulation of adaptation and integration of migrants proposed by the author, which includes a system of criteria and indicators for evaluating the effectiveness of this process.*

Prospects for further research*. The approaches and techniques proposed by the author for developing a multilevel model of migrants' adaptation can be used as a methodological basis for conducting regional studies.*

Keywords: *adaptation of migrants, Yakutia, the Far East, criteria and indicators, standard model*

For citation: *Ledeneva V. Yu. Sociological dimension of social adaptation of labor migrants: regional aspect // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(4): 106–119. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-4-106-119.*

Acknowledgments: the article was prepared within the framework of the Program of Fundamental and Applied Scientific Research «Ethnocultural Diversity of Russian Society and All-Russian Identity» (Decree of the President of the Russian Federation dated January 16, 2020 №PR-71) in accordance with the project «Impact of immigration on ethno-demographic processes in the Russian Federation and approaches to the improvement of investment policy in terms of stimulating the growth of immigrants in Russian society».

The author is grateful to the Ministry of Public Relations and Peoples of the Republic of Sakha (Yakutia) for their support in various studies.

Введение. Успешность социальной адаптации мигрантов зависит от их приспособленности к экономическим, социально-бытовым, этническим сферам жизни на территории въезда, а также связана с умением использовать имеющиеся у них трудовые, образовательные и социокультурные ресурсы.

Теоретические подходы к изучению процессов адаптации трудовых мигрантов. В научной литературе отсутствуют единые представления о сути и содержании процессов адаптации и интеграции мигрантов, не сформулированы общепризнанные определения понятий «адаптация мигрантов», «интеграция мигрантов», «государственная политика в сфере адаптации и интеграции» [6]. Термины «адаптация» и «интеграция» в основном используются как синонимы. Все это привело к разногласиям, затрудняющим формирование эффективной государственной политики адаптации и интеграции, и усложнило разработку научно-теоретических и целевых программ, которые необходимы для решения острых проблем миграционной сферы. Отсутствие системной теоретической базы негативно отражается на формировании модели устойчивости принимающего региона, основанной на адаптационных стратегиях мигрантов. В результате субъекты миграционных отношений (государство, этнические мигранты и принимающее население) используют разные интерпретационные стратегии адаптации и интеграции, а социальная реальность характеризуется формированием новых социальных групп [9]. В настоящее время вокруг смыслового содержания понятий «адаптация» и «интеграция» сложились крайне противоречивые научные представления. Адаптация означает приспособление [3]. Социальная адаптация — это «процесс и результат активного приспособления этнических групп (и отдельных индивидов — представителей данных этногрупп) к условиям другой социальной среды» [4, с. 106].

С изменением структуры миграционных процессов обозначилась проблема адаптации и интеграции мигрантов в разных этносоциальных и экономических условиях. Этот вопрос вызывает научную полемику и является одним из самых дискуссионных, поскольку миграция в ином сообществе порождает необходимость перепроектировать социальное и личное пространство. И мигранты, и население принимающего региона объективно вынуждены выстраивать новые межкультурные взаимодействия.

В рамках адаптационных стратегий важен анализ взаимодействия индивидов с другими людьми на микроуровне повседневности. И. Ким предложил концепцию зависимости адаптации от эмоционального состояния личности и поведенческого процесса [16]. Я. Питерс рассматривал адаптацию не только как приобретение чего-то нового, но и как отказ от старого и предложил концепцию «гибкой аккультурации» (flexible acculturation) как формы, позволяющей выбрать соответствующий индивиду набор ценностей [18]. Синтетическая (или сетевая) теория миграции Д. Мэсси акцентирует внимание на совокупности межличностных отношений в среде мигрантов, в результате которых формируются миграционные сети, выстраиваются отно-

шения между мигрантами-агентами, бывшими мигрантами и не-мигрантами на основе родства, дружбы, общего происхождения или общего миграционного опыта [17]. Шведский исследователь У. Ханнерц предлагает изучать социокультурные особенности интеграции мигрантов при помощи термина «креолизация», одного из основных процессов в глобализации, когда в пространстве происходит противоречивый процесс распада культуры на разрозненные элементы и одновременно слияния этих элементов в другой последовательности, вследствие чего культура становится неоднородной, происходит впитывание ценностей другой культуры [15]. По мнению Л. Прис, наступает новая эра транснациональных мигрантов [19], мигранты формируют социальные сети, которые в свою очередь делокализуют социальное пространство вопреки государственным границам.

Со стороны отечественных исследователей акцент сделан на понятийном аппарате, т.к. не существует единого понимания терминов «адаптация» и «интеграция». Адаптация и обустройство мигрантов на новом месте представляют собой процесс приживаемости мигрантов к новым социальным и экономическим условиям [2]. Интеграция мигрантов держится на «трех китах»: легализации их положения, знании языка и нормальных условий труда [12] — и представляет собой три взаимосвязанных процесса: ассимиляция, культурная и структурная адаптация [7]. Адаптацию рассматривают как начальную стадию интеграции, на которой дальнейшее включение мигранта в общество может остановиться или пойти дальше, т.е. перерасти в интеграцию — встраивание мигранта в принимающее общество [1].

В результате адаптации индивид приспосабливается к новым условиям, но существенных изменений в поведении, принятии новых ценностей или выстраивании коммуникационных связей не происходит [5].

Стадийная модель миграционного процесса рассматривает три основные стадии, которые проходит мигрант: подготовительную, основную и заключительную (адаптационную) [10]. В современных исследованиях разработана новая стадийная модель миграционного процесса, дифференцированная по категориям возвратных и безвозвратных мигрантов. Вводится дополнительная четвертая стадия — интеграция безвозвратных мигрантов в принимающее сообщество. В результате прохождения этой стадии мигрант встраивается в местную среду, максимально ослабляет родственные связи со страной исхода, бесконфликтно проживает, соседствуя с местными жителями, и становится для них «своим среди своих» [4]. На это влияют многие факторы, в том числе наличие культурной дистанции, интенсивность и масштабы миграции, распределение мигрантов по определенным территориальным локациям [20].

Методика исследования включала данные экспертного опроса, проведенного автором при поддержке Министерства по внешним связям и делам народов Республики Саха (Якутия) в феврале 2021 г. Экспертный опрос проводился на основе полуструктурированных анкет. Было опрошено 53 респондента, среди которых — представители государственных органов власти федерального и регионального уровня, руководители общественных организаций, ученые, преподаватели вузов, журналисты и работодатели. Экспертная анкета включала 28 вопросов и состояла из двух блоков: общая миграционная ситуация в Республике Саха (Якутия) и проблемы адаптации и интеграции мигрантов. Вопросы были направлены на изучение миграционной ситуации, выявление позитивных и негативных факторов миграции, степени адаптивности и интегрированности мигрантов в регионе и др. Цель исследования — получить экспертную оценку по вопросам регулирования миграционных процессов в республике и конкретно по вопросам адаптации иностранцев в регионе. По итогам исследования были описаны обобщенные совокупные мнения экспертов и выявлена региональная специфика адаптации и интеграции мигрантов в республике.

Результаты и обсуждение. Республика Саха (Якутия) — один из регионов Дальневосточного федерального округа. На протяжении многих лет основная проблема в республике, как и на всем Дальнем Востоке, остается неизменной и трудноразрешимой: массовый отток россиян в центральные и южные регионы России и дефицит квали-

фицированных кадров. При анализе миграции Дальневосточный федеральный округ в границах 2019 г. целесообразно делить на две части. Первая часть — три территории Восточной Сибири, переданные в ДФО при его создании в 2000 г. (Республика Саха (Якутия)) и в конце 2018 г. (Республика Бурятия и Забайкальский край). Имея в целом за 28 лет положительный естественный прирост населения (210 тыс. человек), эти три территории тем не менее потеряли общей убылью свыше 440 тыс. человек населения за период с 1992 по 2019 гг. Миграционная убыль трёх территорий, составила 650 тыс. человек и перекрыла естественный прирост их населения в 2,5–3 раза. Численность населения за рассматриваемый период сократилась на 14%, с 3,5 до 3 млн. человек. Вторая часть ДФО (2019 г.) — Дальний Восток России (ДВ), каким он был всё время до появления федеральных округов в конце XX века. В целом за 1992–2019 гг. ДВ потерял естественной убылью 0,41 млн. человек и миграционной убылью по текущим данным — 0,99 млн. человек, с переписными поправками — 1,35 млн. человек. Общая убыль макрорегиона за 28 лет составила 1,76 млн. человек, и численность его населения сократилась на 1/3 часть — с 6,91 до 5,15 млн. человек[1].

Последние годы на федеральном и региональных уровнях были приняты конкретные меры по улучшению ситуации, в результате которых уровень миграционного оттока населения немного снизился, однако и сегодня он остается основным фактором, не позволяющим активному развитию региона. Решение этих проблем возможно за счет привлечения мигрантов. По данным Росстата, в 2019 г. (допандемийный период) численность населения в ДВФО резко увеличилась до 8188623 чел., по сравнению с 2018 г. (6165284 чел.) — более чем на 2 млн. человек[2]. Скорее всего, прирост произошел за счет вновь прибывших мигрантов. В 2019 г. до пандемии в регионе поставлено на миграционный учет 1373758 чел., что на 27% больше по сравнению с 2018 г. (прирост 373931 чел.)[3], однако долгосрочная миграция в структуре миграционных потоков в ДВФО не может на сегодняшний день перекрыть отток населения из региона. В 2020 г. из-за пандемии COVID-19 миграционный поток сократился 631596 чел., а по итогам 2021 г. — увеличился до 889883 чел. В 2021 г. с целью «работа» в ДВФО поставлено на миграционный учет 754070 чел., что составляет 86,8% от общего количества всех мигрантов. Наиболее привлекательными регионами ДВФО для трудовых мигрантов в 2021 г. были Амурская область (14177 чел., 23,4% от общего числа мигрантов), Приморский край (13288 чел., доля 22,0%) и Республика Саха (Якутия) (4840 чел., доля 8,0%) [20].

Под воздействием миграции в регионах ДВФО меняется социокультурная картина, увеличивается количество этнических групп культурно и ментально отличающихся от местного населения. Это приводит к увеличению социальной и культурной дистанции между жителями и мигрантами, возникают новые очаги межэтнических конфликтов [11]. Больше всего конфликтов фиксируется в субъектах с развитыми рынками труда и высокой зарплатой [8].

Республика Саха (Якутия) — уникальный регион Российской Федерации. Своеобразие миграционных процессов в республике обусловлено огромной территорией (Республика Саха (Якутия) — самый большой по площади субъект РФ), удаленностью от центральной части России и особенностями распределения трудовых ресурсов на рынке труда [13].

По данным УВМ МВД по Республике Саха (Якутия), в 2021 г. на миграционный учет было поставлено 63406 иностранных граждан. В основном в Якутию едут мигранты из государств Средней Азии. Большинство иностранных граждан, прибывающих на территорию республики Саха (Якутия), составляют трудовые мигранты (76,9%). На 1 февраля их количество в республике со-

1 Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. Национальный демографический доклад — 2020 / С.В. Рязанцев, В.Н. Архангельский, О.Д. Воробьева и др.; Отв. ред. С.В. Рязанцев. М.: ООО «Объединенная редакция», 2020. 156 с.

2 Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю [Электронный ресурс]. URL: https://primstat.gks.ru/folder/49006/document/75891?print=1.

3 Статистические сведения по миграционной ситуации [Электронный ресурс]. URL: https://xn-b1aew.xn-p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya.

ставляет 54159 человек, из них работающих по патентам — 6429 человек[4], что составляет лишь 11% от общего количества трудовых мигрантов.

Несмотря на проводимые в регионе мероприятия, преступление, совершенное мигрантами из Средней Азии в марте 2019 г. (похитили и удерживали местную девушку-якутянку) и вызвавшее широкий общественный резонанс не только в республике, но и по всей России, и последовавшие за ним стихийные антимиграционные митинги, показало слабую эффективность мероприятий по адаптации мигрантов и профилактических административных процедур по предупреждению нарушений миграционного законодательства.

В 2021 г. глава республики А. Николаев издал указ о запрете иностранцам устраиваться на работу в регионе на основании патентов. Якутия на протяжении последних четырех лет является лидером по стоимости патента среди всех субъектов РФ. В 2020 г. стоимость патента составляла 9772 рубля, в 2021 г. — 10063 рубля. Авансовый налоговый платеж является статьей пополнения регионального бюджета. Однако указ главы республики в первую очередь направлен на сокращение мигрантов в регионе в целях предотвращения межнациональных конфликтов и преступлений.

Аналогичный приказ вышел и в 2019 г. (после резонансного преступления). Согласно документу был установлен запрет на работу иностранцев по 33 видам экономической деятельности в области сельского, лесного хозяйства, охоты, обрабатывающих производств, строительства, торговли, транспортировки, гостиничной, научной и технической деятельности, по операциям с недвижимостью, а также в сфере образования, здравоохранения и оказания социальных услуг, в области права, бухгалтерского учёта, архитектуры и инженерно-технического проектирования, в сфере научных исследований и разработок.

Запрет на работу мигрантов в республике не коснулся граждан государств, входящих в Евразийский экономический союз.

Больше всего мигрантов прибывает в республику из Кыргызстана. В целом якуты не испытывают к кыргызам негативного отношения, т.к. культура якутов и кыргызов имеет много общего, а в традиционных верованиях обоих народов сохранились черты общей тюркской группы. Несмотря на политические различия и отсутствие прямых этнических связей, существует множество этносоциальных параллелей между двумя народами [14].

Однако в последние годы в регионе наблюдаются этнодемографические и этнокультурные изменения за счет постоянного притока мигрантов, что не может не беспокоить как местное население республики, так и экспертное сообщество. В данном аспекте началом исследования является общая оценка миграционной ситуации. По итогам опроса 34,6% экспертов отметили значительное увеличение интенсивности миграционных потоков в последние годы. Потребность в мигрантах существует, но для экономики республики нужны мигранты только по некоторым профессиям, так считает около 60% экспертов.

Позитивно оценивают положение мигрантов 40,7% опрошенных, подчеркивая, что положение мигрантов определяется законодательством и нормативно-правовыми актами федерального и регионального уровня, которые в последние годы направлены на усиление контроля за деятельностью и проживанием мигрантов на территории субъекта. Среди трудностей, с которыми приходится сталкиваться мигрантам, основной подавляющее большинство экспертов называет «незнание русского языка» (71,43%). Эта проблема крайне актуальна, все остальные проблемы мигрантов являются ее следствием.

В числе основных проблем мигрантов — трудности с легальной постановкой на миграционной учёт, поборы со стороны полиции, отсутствие работы по специальности, высокая стоимость жилья, плохие жилищные условия, дороговизна получения патентов, отсутствие адаптационных центров и системы защиты прав (рис. 1).

Негативные факторы миграции связаны с безопасностью региона. Каждый третий эксперт оценил миграционную ситуацию как угрозу интересам республики (30,61%).

4 Отдельные показатели ГУВМ МВД за 2021 г.

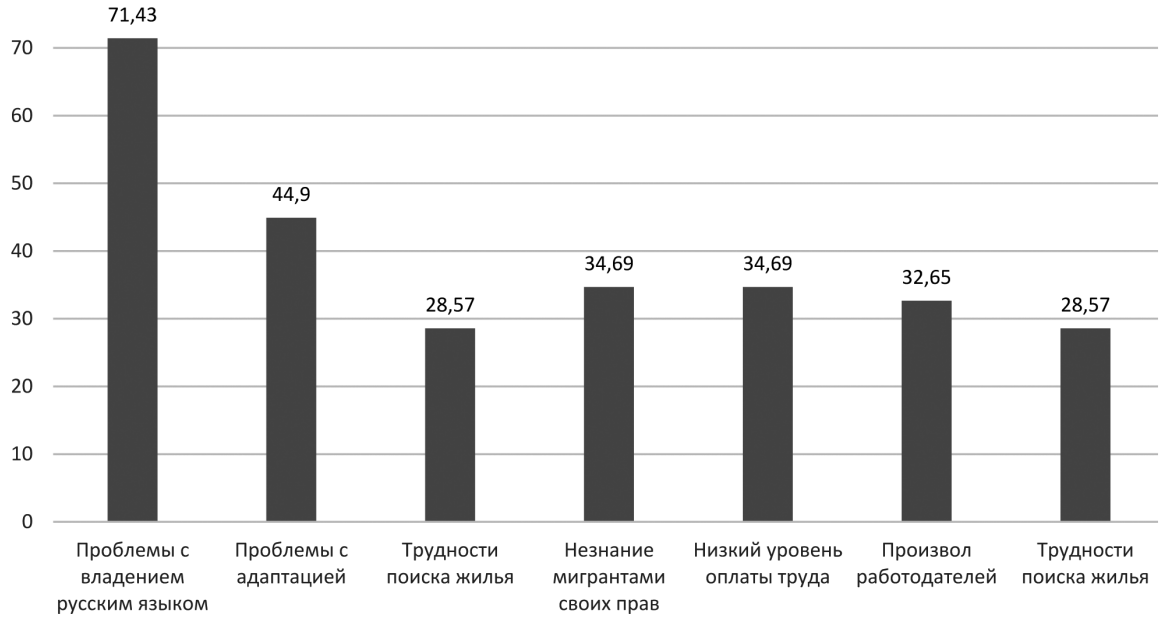

Рис. 1. Основные трудности, с которыми сталкиваются мигранты
Fig. 1. The main difficulties faced by migrants

Таблица 1
Table 1

Основные причины неэффективности реализации миграционной политики[5], %
The main reasons for the inefficiency of the implementation of migration policy, %

Причины	%
Слабый контроль за миграционными потоками в регионе	44,9
Не разработана система селективного отбора иммигрантов	30,6
Отсутствие достаточной региональной политико-правовой базы регулирования миграционных потоков	40,8
Отсутствие конкретных целей миграционной политики в контексте экономических интересов страны	36,7
Отсутствие мониторинговых исследований миграционных процессов	32,6
Отсутствие научного прогнозирования развития и последствий миграционных процессов	34,7
Межведомственная разобщенность как на федеральном, так и на региональном уровнях	34,7
Слабое взаимодействие всех уровней власти в решении проблем мигрантов	28,6
Отсутствие целевых программ адаптации и интеграции мигрантов	34,7
Неквалифицированные специалисты, работающие с различными категориями мигрантов	40,8
Недостаток информационно-аналитических материалов о миграционных процессах в регионе	28,6

5 Источник: данные авторского исследования.

Особую тревогу у экспертов вызывает нежелание мигрантов знать культуру, обычаи, традиции и нормы принимающего общества (44,9%), рост преступности с участием мигрантов (34,7%), распространение наркотиков (32,6%), «угроза терроризма» (30,6%), мигранты занимают рабочие места местного населения, в связи с чем растет безработица в регионе» (42,9%), и другие причины. Эксперты считают, что в последнее время мигранты демонстрируют модель поведения, направленную на выражение своих национальных и культурных особенностей.

Прослеживается тенденция негативного отношения к мигрантам. С одной стороны, эксперты признают положительные последствия от миграции, с другой — негативное восприятие мигрантов превалирует, скорее всего, это связано с «накопительным эффектом», вследствие которого возможны социальная напряженность в регионе и межэтнические конфликты. Выявленные проблемы объясняются сложностью и неоднозначностью миграционных процессов в регионе. Эксперты назвали причины неэффективности в реализации миграционных процессов (табл. 1).

Эксперты указали, что окружение мигранта оказывает непосредственное влияние на успешность адаптации в первое время его пребывания. С одной стороны, среди своих соотечественников мигрант намного быстрее получает необходимые ему знания, умения и навыки, быстрее преодолевает адаптационные трудности и начинает ориентироваться в новой для него обстановке. С другой стороны, среди соотечественников мигранты сохраняют свои ценностные ориентации, которые достаточно консервативны и сложно изменяемы, формируют индивидуальные целевые ожидания от процесса адаптации. От этого зависит степень включенности трудовых мигрантов в основные сферы жизни местных сообществ.

Адаптационный потенциал мигрантов эксперты оценили невысоко. Если экономическую адаптацию, включающую в себя жилищное обустройство мигранта, наличие работы по найму, достижение определенного экономического положения эксперты признают удовлетворительными, то по остальным видам адаптации включенности в общество практически не происходит. Низкая степень адаптации характеризуется неустойчивым положением мигранта в обществе и слабой самоидентификацией с новой средой (табл. 2).

Экспертами высказано мнение о нецелесообразности интеграции трудовых мигрантов в принимающее общество в связи с тем, что трудовые мигранты — это категория воз-

Таблица 2
Table 2

**Характеристика включенности трудовых мигрантов в основные сферы жизни местных сообществ[6],%
(1 — крайне слабо интегрированы, 2 — слабо интегрированы, 3 — интегрированы удовлетворительно, 4 — хорошо интегрированы, 5 — успешно)
Characteristics of the involvement of migrant workers in the main spheres of life of local communities,%
(1 — extremely poorly integrated, 2 — poorly integrated, 3 — satisfactorily integrated, 4 — well integrated, 5 — successfully)**

Сферы жизни местного сообщества	Балльная шкала				
	1	2	3	4	5
Экономика	6,1	22,4	28,6	28,6	10,2
Социальная сфера	8,2	46,9	24,5	12,2	4
Культура	30,6	34,7	18,4	10,2	2
Институты гражданского общества	32,6	28,6	20,4	14,3	0

6 Источник: данные авторского исследования.

вратных временных мигрантов, соответственно они проходят только стадию адаптации.

В вопросе о культурной дистанции между мигрантами и местным сообществом респонденты чаще выбирали ответ, что такая дистанция существует только между группами мигрантов некоторых национальностей (59%), существование культурной дистанции межу мигрантами и местным сообществом отметил лишь каждый пятый респондент (21%).

В ходе опроса экспертам предложили проранжировать по степени значимости основные ресурсы, содействующие успешной интеграции трудовых мигрантов. В распределении мест по значимости исследуемых объектов на первое место эксперты поставили ближнее окружение мигрантов: семья, родственники, земляки, диаспоры. С одной стороны, данный факт не оспаривается, т.к. при наличии тесных земляческих связей мигранту проще адаптироваться и интегрироваться в принимающее общество, с другой стороны, эти же тесные связи способствуют социальной исключенности мигрантов из общества, замыкании в социальных и этнических сетях, что также отмечали эксперты.

Тревожной тенденцией, на наш взгляд, являются результаты, полученные на вопрос о формировании этнических анклавов в регионе: почти 37% ответили, что такая тенденция наблюдается, 24% — «скорее да, чем нет». Косвенно на это влияет религиозный фактор, больше половины опрашиваемых ответили положительно на вопрос о существенном влиянии религии на степень адаптации и интеграции мигрантов (51,2%). Показательно мнение одного из экспертов: «Религиозные верования и обычаи служат для иммигрантов стабилизаторами и возможностью приспособиться к своему новому дому. Новые иммигранты в новом социальном контексте постоянно вынуждены отвечать на вопрос “Кто я?”. Ответ на этот вопрос они находят в воспроизведении традиционных и религиозных верований».

В данной ситуации особую роль принимают на себя диаспоры. В ходе исследования необходимо было определить роль национальных диаспор в адаптации соотечественников, вновь прибывших в регион, помогают ли диаспоры мигрантам решать бытовые

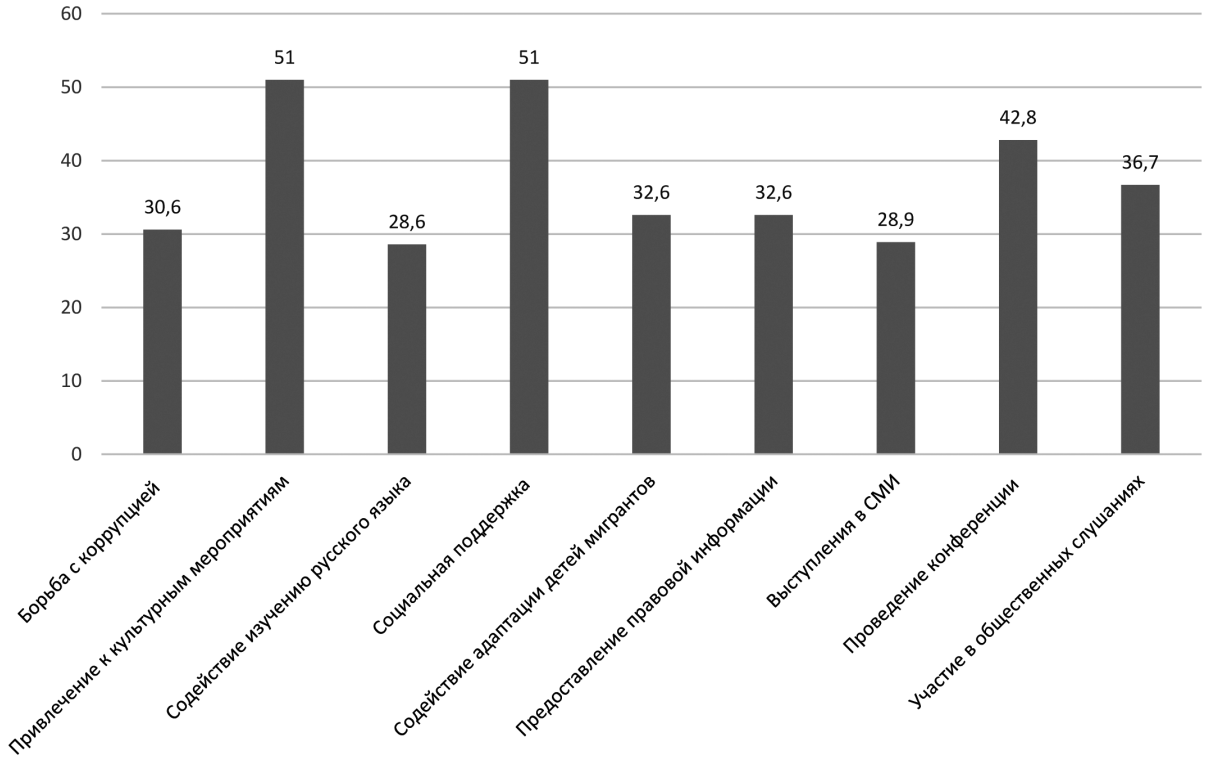

Рис. 2. Роль общественных организаций в содействии адаптации и интеграции мигрантов
Fig. 2. The role of public organizations in promoting the adaptation and integration of migrants

проблемы, легализоваться и в перспективе сформировать социальные практики и поведенческие нормы.

В целом эксперты высоко оценили роль диаспор в формировании поведенческих установок мигрантов: помощь в поиске работы и жилья (51%), помощь в оформлении документов (67,3%), юридические и психологические консультации (32,6%), организация различных мероприятий, акций и привлечение к ним мигрантов (51%), организация курсов русского языка, российской истории и законодательства (20,4%).

Большинство экспертов (68%) высоко оценили значимость общественных организаций в успешности адаптации мигрантов их работу по поддержке и привлечении мигрантов к культурным мероприятиям, проводимыми в Якутии на региональном и муниципальном уровнях власти (рис. 2).

Значимым фактором адаптационных процессов, по мнению респондентов, является

Таблица 3
Table 3

Система критериев и показателей оценки адаптации мигрантов[7]
The system of criteria and indicators for assessing the adaptation of migrants

Критерии	Показатели
Социально-психологический	— психологический комфорт или дискомфорт; — удовлетворенность жизнью в новой социокультурной среде; — социальное самочувствие; — национальная самоидентификация
Этнокультурный	— проявление этнокультурной идентичности; — использование единого языка для общения и взаимодействия разнородного полиэтнического сообщества; — социокультурная дистанция между мигрантом и принимающим населением; — уровень религиозной принадлежности
Социально-экономический	— трудоустройство мигранта; — удовлетворенность работой; — уровень профессиональных квалификаций; — уровень материального благополучия; — развитие неформальных социальных связей; — усвоение социальных норм и ценностей местного населения; — соблюдение общих правил, диктуемых социальным согласием
Доступность к ресурсам	— доступность к социально-культурным ценностям страны приема; — доступность к получению правового статуса; — доступность к инфраструктуре территории вселения
Эффективность реализации мероприятий по адаптации мигрантов	— количество мигрантов, обучившихся на курсах по русскому языку в год; — количество детей мигрантов, посещающих дошкольные и школьные образовательные учреждения; — количество общественных организаций, в том числе национально-культурных объединений, автономий, этнических землячеств и диаспор, содействующих социальной и культурной адаптации мигрантов; — количество проектов по социальной и культурной адаптации мигрантов

7 Источник: составлено автором.

создание доиммиграционных Центров подготовки мигрантов в странах исхода (79,5 %). Адаптация мигрантов должна начинаться еще до выезда из страны исхода. Основными элементами успешной адаптации и бесконфликтного проживания мигрантов эксперты назвали принятие закона о социокультурной адаптации иностранных граждан, довъездная подготовка, ограничение семейной миграции для временных трудовых мигрантов и организованный набор.

Проведенная исследовательская работа позволила в первом приближении смоделировать представление о перспективном регулировании процессов адаптации мигрантов в миграционно привлекательном регионе и разработать систему критериев и показателей оценки адаптации мигрантов (табл. 3).

Авторская типовая модель многоуровневого регулирования адаптации и интеграции мигрантов включает как минимум три основных измерения: социально-психологическое, этнокультурное и социально-экономическое — и должна осуществляться на всех уровнях власти и общества: государственном, муниципальном и общественном.

Типовая модель многоуровневого регулирования адаптации и интеграции мигрантов предусматривает деятельность государственных органов и органов местного самоуправления, позволяющую оценить эффективность адаптационных мероприятий и на основе полученных данных выработать план мероприятий, оказывающих регулирующее воздействие на процессы адаптации и интеграции мигрантов.

Заключение. Результаты, полученные в ходе экспертного опроса, позволили оценить уровень адаптационного и интеграционного потенциала мигрантов в регионе. По мнению экспертов, потенциал достаточно высок, и в целом прослеживается позитивное отношение к мигрантам. Однако межкультурное взаимодействие осложняется отсутствием адаптационных и интеграционных программ, учитывающих социально-экономические, демографические и этнокультурные особенности региона. Следует отметить деятельность региональных органов власти, в частности Министерства по внешним связям и делам народов Республики Саха (Якутия), которые инициируют различные проекты и мероприятия, направленные на улучшение межнациональной ситуации в республике. В республике проводятся круглые столы, семинары, форумы, тренинги по информационно-правовому просвещению мигрантов о действующем законодательстве Российской Федерации, обычаях, традициях, и культуре народов, проживающих на территории Республики Саха (Якутия).

Однако реализация полномочий по социальной и культурной адаптации мигрантов ограничена рядом проблемных вопросов, основной из которых — отсутствие на федеральном уровне нормативно-правового акта о социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан, закреплявшего основные понятия и термины, полномочия государственных и муниципальных органов власти, а также критерии социальной и культурной адаптации мигрантов.

Анализ ответов респондентов свидетельствует о сформированном запросе на более активное использование профилактических мероприятий в сфере регулирования миграционных процессов. Успешность разработки и дальнейшего внедрения системы критериев и показателей оценки эффективности адаптации мигрантов будет во многом зависеть от трехстороннего взаимодействия всех субъектов миграционных отношений на государственном, муниципальном и общественном уровне.

Подводя итог, следует заметить, что предложенная автором типовая модель не может рассматриваться в качестве окончательно завершенного продукта, в перспективе она может быть усовершенствована и изменена. На данном этапе модель является научно обоснованным методическим ресурсом, который можно использовать в практической деятельности.

Список источников

1. Ивахнюк И. В. В чем причина неэффективности российской миграционной политики? — Ответ искать в истории // Миграция и социально-экономическое развитие. 2017. №2(2). С. 113–120.

2. Ионцев В. А., Абрамян Д. М., Ергалиева А. А. Вопросы теории и практики адапта-

ции и интеграции мигрантов на евразийском пространстве // Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов: сборник материалов 3-й Международной научно-практической конференции. Под редакцией В.С. Белозерова. Ставрополь: Издательство Северо-Кавказского федерального университета, 2016. С. 5–10.

3. Кирдяшова Е.В. Адаптация трудовых мигрантов в многонациональном регионе (на примере Республики Мордовия) // Пензенский психологический вестник. 2020. №1(14). С. 102–109.

4. Кононов Л.А., Леденева В.Ю. Адаптация и интеграция международных мигрантов: теоретико-методологические проблемы // Мировая экономика и международные отношения. 2021. №4(65). С. 104–113.

5. Константинов В.В. Стратегии поведения мигрантов в процессе их социально-психологической адаптации к новым условиям жизни // Мир науки, культуры, образования. 2018. №2(69). С. 422–425.

6. Леденёва В.Ю., Кононов Л.А. Государственное и муниципальное регулирование процессов адаптации и интеграции мигрантов в современной России // В.Ю. Леденёва, Л.А. Кононов. Российский университет дружбы народов (РУДН), 2021. 296 с.

7. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. М.: Мысль, 2015. 267 с.

8. Осадчая Г.И. Оценка уровня социальной адаптации молодых мигрантов в мегаполисе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. №1(14). С. 186–198.

9. Рзаева С.В. Этническая социальная сеть как механизм миграционных процессов и адаптации мигрантов в принимающем обществе: о понятии и устройстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. №39(5). С. 60–66.

10. Рыбаковский Л.Л. К уточнению понятия «миграция населения» // Социологические исследования. 2016. №12(392). С. 78–83.

11. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России в начале XXI века // Народонаселение. 2019. №3(22). С. 4–14.

12. Рязанцев С.В. Интеграция мигрантов в контексте внешней миграционной политики России // Социологические исследования. 2018. №1(405). С. 105–111.

13. Томаска А.Г. Этнокультурные ресурсы интеграции трудовых мигрантов Якутии // Теория и практика общественного развития. 2019. №7(137). С. 13–17.

14. Южанин М.А. Государства-нации и этнокультурные сообщества в глобализирующемся мире: (теоретико-социологический анализ): монография. М.: Наука, 2011. 178 с.

15. Hannerz U. Cultural Complexity: Studies in the Social Organization of Meaning. New York: Columbia University Press, 1992. P. 255–256.

16. Kim Y.Y. Association and Dissociation: A Contextual Theory of Interethnic Communication // In W.B. Gudykunst (Ed.). Theorizing about intercultural communication. Sage Publications Ltd., 2005. P. 323–349.

17. Massey D.S., Zenteno R.M. The dynamics of mass migration // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 1999. №9(96). P. 5328–5335.

18. Pieterse J.N. Global Multiculture, Flexible Acculturation // Globalizations. March. 2007. Vol. 4. №1. P. 65–79.

19. Pries L. Transnationale sociale raeume. Teoretischempirische Skizze am Beispiel Mexico-USA // Zeitscrift fuer Sociology. 1996. Bd. 25(6). S. 456–472.

20. Spencer-Oatey H., Franklin P. Adapting to Unfamiliar Cultures // In: Intercultural Interaction. Research and Practice in Applied Linguistics. Palgrave Macmillan, London, 2009. P. 151–170.

References

1. Ivahnjuk I.V. V chem prichina nejeffektivnosti rossijskoj migracionnoj politiki? — Otvet iskat' v istorii [What is the reason for the inefficiency of the Russian migration policy? — To look for the answer in history]. *Migracija i social'no-jekonomicheskoe razvitie* [*Migration and socio-economic development*]. 2017; 2(2): 113–120. (In Russ.).

2. Ioncev V.A., Abramjan D.M., Ergalieva A.A. Voprosy teorii i praktiki adaptacii i integracii migrantov na evrazijskom prostranstve [Issues of theory and practice of adaptation and integration of migrants in the Eurasian space]. Migracionnye processy: problemy adaptacii i integracii mi-

grantov: sbornik materialov 3-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Pod redakciej V. S. Belozerova [Migration processes: problems of adaptation and integration of migrants: collection of materials of the 3rd International Scientific and Practical Conference. In V. S. Belozerov (eds.)]. Stavropol': Izdatel'stvo Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta, 2016. P. 5–10. (In Russ.).

3. Kirdjashova E. V. Adaptacija trudovyh migrantov v mnogonacional'nom regione (na primere Respubliki Mordovija) [Adaptation of labor migrants in a multinational region (on the example of the Republic of Mordovia)]. *Penzenskij psihologicheskij vestnik* [*Penza Psychological Bulletin*]. 2020; 1(14): 102–109. (In Russ.).

4. Kononov L. A., Ledeneva V. Ju. Adaptacija i integracija mezhdunarodnyh migrantov: teoretiko-metodologicheskie problemy [Adaptation and integration of international migrants: theoretical and methodological problems]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [*World Economy and International Relations*]. 2021; 4(65): 104–113. (In Russ.).

5. Konstantinov V. V. Strategii povedenija migrantov v processe ih social'no-psihologicheskoj adaptacii k novym uslovijam zhizni [Strategies of migrants' behavior in the process of their socio-psychological adaptation to new living conditions]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* [*The world of science, culture, education*]. 2018; 2(69): 422–425. (In Russ.).

6. Ledenjova V. Ju., Kononov L. A. Gosudarstvennoe i municipal'noe regulirovanie processov adaptacii i integracii migrantov v sovremennoj Rossii [State and municipal regulation of the processes of adaptation and integration of migrants in modern Russia]. V. Ju. Ledenjova, L. A. Kononov. Rossijskij universitet druzhby narodov (RUDN), 2021. 296 p. (In Russ.).

7. Malahov V. S. Integracija migrantov: koncepcii i praktiki [Integration of migrants: concepts and practices]. Moscow: Mysl', 2015. 267 p. (In Russ.).

8. Osadchaja G. I. Ocenka urovnja social'noj adaptacii molodyh migrantov v megapolise [Assessment of the level of social adaptation of young migrants in the metropolis]. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [*Economic and social changes: facts, trends, forecast*]. 2021; 1(14): 186–198. (In Russ.).

9. Rzaeva S. V. Jetnicheskaja social'naja set' kak mehanizm migracionnyh processov i adaptacii migrantov v prinimajushhem obshhestve: o ponjatii i ustrojstve [Ethnic social network as a mechanism of migration processes and adaptation of migrants in the host society: on the concept and structure]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Bulletin of Tomsk State University*]. 2015; 39(5): 60–66. (In Russ.).

10. Rybakovskij L. L. K utochneniju ponjatija «migracija naselenija» [To clarify the concept of «migration of the population»]. *Sociologicheskie issledovanija* [*Sociological research*]. 2016; 12(392): 78–83. (In Russ.).

11. Rybakovskij O. L., Tajunova O. A. Migracionnaja situacija na Dal'nem Vostoke Rossii v nachale XXI veka [Migration situation in the Russian Far East at the beginning of the XXI century]. *Narodonaselenie* [*Population*]. 2019; 3(22): 4–14. (In Russ.).

12. Rjazancev S. V. Integracija migrantov v kontekste vneshnej migracionnoj politiki Rossii [Integration of migrants in the context of Russia's foreign migration policy]. *Sociologicheskie issledovanija* [*Sociological research*]. 2018; 1(405): 105–111. (In Russ.).

13. Tomaska A. G. Jetnokul'turnye resursy integracii trudovyh migrantov Jakutii [Ethnocultural resources of integration of labor migrants of Yakutia]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija* [*Theory and practice of social development*]. 2019; 7(137): 13–17. (In Russ.).

14. Juzhanin M. A. Gosudarstva-nacii i jetnokul'turnye soobshhestva v globalizirujushhemsja mire: (teoretiko-sociologicheskij analiz): monografija [Nation-states and ethno-cultural communities in a globalizing world: (theoretical and sociological analysis): monograph]. Moscow: Nauka, 2011. 178 p. (In Russ.).

15. Hannerz U. Cultural Complexity: Studies in the Social Organization of Meaning. New York: Columbia University Press, 1992. P. 255–256.

16. Kim Y. Y. Association and Dissociation: A Contextual Theory of Interethnic Communication // In W. B. Gudykunst (Ed.). *Theorizing about intercultural communication.* Sage Publications Ltd., 2005. P. 323–349.

17. Massey D. S., Zenteno R. M. The dynamics of mass migration // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 1999. №9(96). P. 5328–5335.

18. Pieterse J. N. Global Multiculture, Flexible Acculturation // Globalizations. March. 2007. Vol. 4. №1. P. 65–79.

19. Pries L. Transnationale sociale raeume. Teoretischempirische Skizze am Beispiel Mexico-USA // Zeitscrift fuer Sociology. 1996. Bd. 25(6). S. 456–472.

20. Spencer-Oatey H., Franklin P. Adapting to Unfamiliar Cultures // In: Intercultural Interaction. Research and Practice in Applied Linguistics. Palgrave Macmillan, London, 2009. P. 151–170.

Статья поступила в редакцию 11.07.2022; одобрена после рецензирования 08.08.2022; принята к публикации 25.08.2022.
The article was submitted on 11.07.2022; approved after reviewing on 08.08.2022; accepted for publication on 25.08.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Леденева Виктория Юрьевна — доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник — руководитель Отдела этнодемографических, религиозных и интеграционных процессов, Институт демографических исследований — обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН).

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, стр. 1

Victoria Yu. Ledeneva — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Chief Researcher — Head of the Department of Ethnodemographic, Religious and Integration Processes, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS).

6 Fotievoy st., bld. 1, Moscow, Russia